

П. Лавров

**Задачи истории мысли. 1. До
истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Лавров**
Задачи истории мысли. 1. До истории / П. Лавров – М.: Книга по Требованию,
2021. – 164 с.

ISBN 978-5-458-06365-4

ISBN 978-5-458-06365-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

рядомъ съ фактами полнаго инфоферентизма къ страданіямъ или къ опасности родственной особи, наблюдаемыми другими столь-же достовѣрными изслѣдователями. Эти кажущіяся противурѣчія перестанутъ удивлять насъ, если мы припомнимъ, что лишь методическое мышленіе и организованная педагогическая передача опыта старшаго поколѣнія младшему можетъ обобщить въ большой группѣ существъ теоретическіе или практическіе приемы. Тамъ, гдѣ то и другое присутствуетъ въ недостаточной мѣрѣ или вовсе отсутствуетъ, тамъ только-что упомянутые факты неизбежны и у муравьевъ, и у человѣка. Въ подобныхъ случаяхъ, успѣхи культуры группы животныхъ зависятъ отъ случайной угадки исключительной особи, попавшей на счастливую мысль, и отъ степени перенчивости другихъ особей. Здѣсь еще въ ббльшей степени, чѣмъ при болѣе высокомъ развитіи историческихъ народовъ, нужно, какъ выражается Н. К. Михайловскій³⁹⁾ присутствіе среди „толпы“ болѣе находчиваго или болѣе рѣшительнаго „героя“, чтобы массовое движеніе или массовой успѣхъ культуры имѣли мѣсто. Если подобный случай не встрѣтился, то существа, весьма способныя въ случаяхъ, гдѣ помогаетъ имъ наслѣдственность, преданіе, привычка, знакомая аналогія, могутъ въ другихъ условіяхъ не додуматься до весьма простаго теоретическаго или техническаго приема. Лишь выработка и распространеніе методическаго мышленія устраняетъ подобныя противурѣчія, но оно завоевываетъ себѣ мѣсто довольно поздно въ развитіи организмовъ.

Патологическія явленія и высшія формы мысли. — Правильному процессу методическаго мышленія противудѣйствуетъ не только мышленіе по привычкѣ, но еще мышленіе болѣе или менѣе патологическое. Рядомъ съ представленіями, облегчающими усвоеніе вишняго міра, его пониманіе и дѣятельность въ немъ, развивается у высшихъ животныхъ самъ собою патологическій процессъ иллюзій, галлюцинацій, наконецъ полнаго помѣшательства. Этотъ патологическій процессъ зарождается въ самыхъ элементарныхъ условіяхъ полученія ощущеній. Устройство органовъ чувствъ вызываетъ во многихъ случаяхъ ложныя ощущенія, которыя особенно изслѣдованы для органа зрѣнія человѣка, составляли предметъ не малыхъ розысканій и для слож-

³⁹⁾ „Герои и толпа“ въ т. VI „Сочиненій“ Н. К. Михайловскаго, стр. 280 и слѣд.

ныхъ глазъ насѣкомыхъ и, вѣроятно, имѣютъ мѣсто во всѣхъ областяхъ специальныхъ ощущеній. Выше было упомянуто объ ошибочныхъ воспріятіяхъ предметовъ. Бользненно-напряженное вниманіе, при полной исключительности одного представленія, на которое направлены все проявленія сознанія, вызываетъ неотвязную мысль и патологическій экстазъ, способный довести личность до анестезіи или даже до безсознательнаго состоянія. Когда же воспріятія сливаются съ представленіями, при чемъ, путемъ ассоціаціи сходства и близости въ пространствѣ и во времени, вызываются цѣлыя ряды представленій болѣе или менѣе далекихъ отъ воспріимасмаго предмета, когда аффектъ подсказываетъ съ особенною яркостью ожидаемый и пугающій образъ или желательный и чарующій—тогда совершенно естественно воспріятіе реального предмета переходитъ въ иллюзію предмета, подсказаннаго воображеніемъ. Когда представленіе отсутствующаго предмета съ достаточною силою возбуждаетъ психическія клѣтки, соответствующія его реальному воспріятію, то галлюцинація становится на мѣсто этого воспріятія. Въ обоихъ случаяхъ, иллюзія и галлюцинація уступаютъ болѣе или менѣе реальному представленію лишь вслѣдствіе контроля ихъ новыми воспріятіями. При этомъ процессъ образованія реального представленія отличается отъ процесса происхожденія иллюзіи или галлюцинаціи лишь меньшею продолжительностью господства нереального элемента надъ реальнымъ, такъ что Тэнъ могъ формулировать⁴⁰⁾ общій ходъ этого процесса слѣдующими словами, много разъ цитированными: „Наше воспріятіе внѣшнихъ предметовъ есть внутреннее сновидѣніе, которое оказывается въ согласіи съ внѣшними предметами, и, вмѣсто того, чтобы говорить, что галлюцинація есть ложное воспріятіе внѣшняго міра, надо-бы сказать, что воспріятіе вообще есть галлюцинація, оказывающаяся правдивою“. Элементарный процессъ, которымъ чувствующее существо переходитъ отъ ощущенія и воспріятія къ представленію, а, затѣмъ, къ комбинированію и развитію представленій, заключаетъ уже столько возможности ошибокъ, что даже долгое логическое упражненіе развитаго человѣка не всегда способно предохранить его отъ нихъ, въ особенности когда аффекты вносятъ въ этотъ процессъ свои элементы желательнаго и внушающаго опасенія. Страсть, по самому ся существу, есть психическое состояніе, искажаю-

⁴⁰⁾ Taine: „De l'intelligence“ (1870), I, 411.

шее форму и перспективу реального факта. Вліяніе обычнаго аффекта и унаслѣдованной привычки къ опредѣленнымъ ассоціаціямъ еще увеличиваетъ вѣроятность абераціи побужденій и влеченій, абераціи умственныхъ процессовъ вообще. Лишь развитіе противудѣйствующей этому привычки къ методическому мышленію и къ научной критикѣ можетъ въ нѣкоторой степени здѣсь устранить опасность заблужденія. Въ противномъ случаѣ психологическій процессъ обнаруживаетъ влеченіе не только не совпадать съ логическимъ, но идти на перекоръ ему. Заблужденіе индивидуальное и коллективное пріобрѣтаетъ, по выраженію Отто Группе⁴¹⁾ „невѣроятную силу сопротивленія“. „Безпрестанно имѣють мѣсто ложныя умозаключенія; безпрестанно они распространяются если они выгодны, такъ какъ не логическое достоинство обуславливаетъ распространеніе ученія... Безпрестанно работаютъ миллионы головъ, при чемъ въ продуктѣ получаютъ мысли умныя и глупыя, согласныя съ законами“ логическаго „мышленія и несогласныя съ ними, но огромное большинство мыслимаго исчезаетъ безъ слѣда; сознается лишь то, что представляетъ интересъ быть сознаннымъ“. „Вслѣдствіе продолжающейся борьбы за существованіе, человекъ“ (и всякій разсуждающій организмъ) „обладаетъ способностью, превосходящею всякій расчетъ, лгать самому себѣ въ видахъ личнаго интереса“.

На этой именно почвѣ развивается съ неудержимой силой царство фантазіи нелогической или даже прямо патологической. Она безъ контроля вызываетъ и украшаетъ образы воображенія, создаетъ изъ нихъ новыя комбинаціи, частью не встрѣчающіяся въ реальномъ мірѣ, вызываетъ борьбу между наличными комбинаціями, и, во многихъ случаяхъ, доставляетъ побѣду образамъ наименѣе реальнымъ. Фантазія послужила основою величественныхъ завоеваній научной и философской мысли, въ особенности-же эстетическаго творчества и нравственной дѣятельности въ наилучшихъ экземплярахъ историческаго человечества. Но она-же выработала въ человечествѣ патологическое явленіе религіозной мысли, рядъ безобразныхъ искаженій тѣла и извращеній нормальныхъ влеченій. Наконецъ, она-же, когда къ ней присоединяются явленія вырожденія, искажаетъ психическую жизнь до неузнаваемости, давая начало самымъ печальнымъ и отвратительнымъ формамъ помѣшательства.

⁴¹⁾ I. c. I. 272, 274 и слѣд.

Но, при существовании контроля критической мысли, мир творческой фантазии дает продукты, в которых стройность и правда ни чем не уступают результатам самого точного понимания реального мира. Таким образом, в мысли человека, при наиболее энергической ее работе, отдельно группируются три области. Предъ нимъ, во первыхъ, нормальныя представленія реального мира, выработанныя путемъ взаимнаго контроля всѣхъ получаемыхъ и вызываемыхъ ощущений и воспріятій, путемъ наблюдения и опыта. Предъ нимъ, во вторыхъ, патологическія иллюзіи, галлюцинаціи, неотвязныя идеи и всякія умственные аберраціи, какъ слѣдствіе неконтролируемаго или недопускающаго контроля господства однихъ представленій надъ всѣми прочими. Но, въ процессъ историческаго развитія человека, изъ прямыхъ ощущений и воспріятій, вырабатывается еще иная область; это — область интеллектуальныхъ продуктовъ все отдаляющихся отъ прямыхъ ощущений и воспріятій, область идей красоты, истины, долга, общественной пользы, развитія вообще. Идеалы, ими поставленные предъ личностью, придаютъ ей мыслительной и жизненной дѣятельности новое направление: подъ ихъ вліяніемъ представленія, наиболее насыщенные прямыми ощущениями и воспріятіями, заслоняются въ умъ личности совѣмъ иными требованіями этихъ идеаловъ, и точно такъ-же, какъ взаимный контроль продуктовъ наблюдения и опыта устанавливалъ въ личности знаніе реального мира при исключеніи созданій фантастическаго, религіознаго и метафизическаго творчества, такъ точно контроль реальныхъ представленій и побужденій и установленіе ихъ іерархіи во имя критически выработанныхъ идеаловъ составляетъ нормальную эволюцію эстетической, нравственной и философской мысли.

Но выработка психическаго мира личности, механизмъ эволюціи представленій, переходящихъ въ пониманіе реального мира и въ руководящіе идеалы жизни, разнообразится по типамъ личностей человека и по особенностямъ видовыхъ или иныхъ группъ у другихъ животныхъ. Воспримчивость къ тѣмъ или другимъ ощущениямъ переходитъ въ большую или меньшую впечатлительность къ тѣмъ или другимъ воспріятіямъ, затѣмъ въ способность болѣе или менѣе удобнаго вызова тѣхъ или другихъ представленій. Это различіе процессовъ, восходящихъ къ самымъ элементарнымъ психическимъ опытамъ, обособляетъ группы организмовъ и индивидуализируетъ личности на различныя психическіе типы.

Преобладание зрѣнія, слуха, обонянія и т. дал. проявляется въ бессознательной и въ сознательной жизни, и является характеристическимъ признакомъ у видовъ животныхъ и у отдѣльныхъ человѣческихъ личностей⁴²⁾.

Надъ всѣмъ міромъ представленіи у человѣка—и, можетъ быть, у иныхъ животныхъ—господствуетъ одно представленіе, которое все болѣе вырабатывается и объединяется. Въ сознании человѣка повторяются и связываются между собою ощущенія его тѣла; рядомъ съ ними, въ этомъ сознании смѣняются другъ друга, какъ временныя, впечатлѣнія, получаемыя имъ отъ вѣшняго міра; смѣняются другъ друга, точно такъ-же какъ временныя, продукты его психической жизни. Постепенно усваиваемая ассоціація этихъ трехъ областей, при ихъ различіи, вырабатываетъ въ человѣкѣ представленіе о его я, какъ общемъ центрѣ того, что образуетъ его психическій міръ; сохраненіе воспоминанія объ однихъ представленіяхъ въ то время, какъ въ мысли зарождаются и наслаются одно на другое новыя, устанавливаетъ единство этого продолжающагося я. Это есть нормальное условіе психической жизни, и его выполненіе одно даетъ возможность и личному психическому развитію особи и прогрессу общества. Для поверхностнаго наблюдателя это условіе кажется всегда выполненнымъ. Но это вовсе не такъ. Оно можетъ быть нарушено весьма поразительными патологическими явленіями. Оно менѣе замѣтно для насъ нарушается не рѣдко и въ случаяхъ, патологичность которыхъ мы не замѣчаемъ. Если болѣзненное состояніе разрываетъ эту послѣдовательность воспоминаній и если въ мысли всѣ группы связанныхъ между собою представленій разомъ исчезаютъ, замѣняясь другою комбинаціею подобныхъ-же группъ, тогда имѣетъ мѣсто то раздвоеніе или даже размноженіе сознания, на которое обращено такое тщательное вниманіе психіатрами нашего времени⁴³⁾. Но сходныя съ этимъ раздвоенія замѣчаются и при томъ, что мы называемъ здоровымъ состояніемъ. По мнѣнію Паульана⁴⁴⁾ въ каждой личности „образуются небольшія координированныя группы чувствъ, пред-

⁴²⁾ См. Alfred Binet: „La Psychologie du raisonnement“ (1886). 18 и слѣд., со ссылкой на лекціи профессора Charcot въ La Salpêtrière объ афазіи.

⁴³⁾ См. особенно работы Ribot, резюмировавшаго труды другихъ изслѣдователей.

⁴⁴⁾ „Les variations de la personnalité à l'état normal“ въ „Revue Philos.“ за июнь 1882 г.

ставленій, страстей и привычекъ, приводящихъ, каждая, къ дѣйствіямъ“; при чемъ „каждая группа живетъ своею особенною жизнью, не вполне, но въ извѣстной мѣрѣ независимо отъ жизни другихъ группъ“. Такимъ образомъ, въ каждой человѣческой особи существуетъ на различныхъ глубинахъ „семь или восемь“ болѣе или менѣе обособленныхъ я; эти различныя я обусловлены какъ обстоятельствами личнаго развитія особи, такъ и крѣпко-застѣвшими въ нервной системѣ ся путемъ наследственности различными я предковъ, восходящими къ прежнимъ періодамъ цивилизаціи, къ періоду антропологической дикости, или даже къ періоду зоологическаго развитія. Эти различныя психическія наслоенія вступаютъ не рѣдко между собою въ борьбу при процессахъ нервной дѣятельности и мышленія, которые мы называемъ нормальными, вызываютъ въ менѣе выработанныхъ характерахъ грозныя „бури подъ черепомъ“, поразительныя факты житейской непослѣдовательности, нерѣшительности предъ задачами жизни, переходя порою въ характеристическія болѣзни памяти, воли, психической личности вообще, иногда оканчиваясь сознательнымъ самоубійствомъ или приводя къ безобразнымъ формамъ аскетизма, но иногда вызывая героическіе подвиги самоотверженія и служенія идеѣ. Лишь прогрессъ личнаго развитія въ условіяхъ прогрессивной исторической жизни, устраняя безобразныя формы этого отсутствія единства въ человѣческомъ я, предупреждая его болѣе или менѣе патологическія распаденія, гармонируя различныя его элементы и дѣлая все менѣе нужными героическія жертвы въ борьбѣ за убѣжденіе, можетъ постепенно привести человѣческое я въ большинство личностей къ стройному единству. Если допустить вѣрность нѣкоторыхъ наблюдений, приводимыхъ А. А. Герценомъ⁴⁵⁾, то сознание нашего объединеннаго я есть результатъ эволюціи, начинающейся сознаниемъ безличнымъ, проходящей чрезъ сознание необъединенное и лишь кончающейся психическимъ синтезисомъ.

3. ПАРАЛЛЕЛИЗМЪ ОБЪЕКТИВНЫХЪ И СУБЪЕКТИВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Условія проявленія сознания.—Въ началѣ этой гла-

⁴⁵⁾ См. „Revue Philos.“ за июль 1887 г. стр. 641.

вы было указано, что субъективныя явленія сознания невозможно свести, даже мысленно, на какое либо движеніе; что мы имѣемъ здѣсь предъ собою основное различіе въ условіяхъ нашего мышленія; что это, конечно, не даетъ намъ основанія создавать себѣ представленіе о двухъ различныхъ между собою по сущности метафизическихъ субстанціяхъ, вещественной и невещественной, но ставитъ предъ нами научный вопросъ о зависимости между объективными и субъективными для насъ явленіями лишь въ формѣ проведенія возможно точнаго въ подробностяхъ параллелизма между ними и открытія каждому сознательному явленію соответствующаго морфологическаго или физиологическаго факта, доступнаго объективному анализу¹⁾.

Можно сказать, что эта задача переживаетъ въ наше время лишь самые ранніе свои фазисы и самая малая доля того, что сдѣлано для ея рѣшенія, можетъ быть названа строго-научною; но попытки рѣшить ее во многихъ случаяхъ поставлены на научно-философскую почву, т. е. опираются на реальныя аналогіи, устраняя религіозныя и метафизическія соображенія, а нѣкоторыя изъ этихъ гипотезъ допускаютъ уже теперь, или въ болѣе отдаленномъ будущемъ, и провѣрку.

Прежде всего приходится говорить о попыткахъ указать для нервныхъ, или вообще для протоплазматическихъ, элементовъ, условія, при которыхъ появляется сознаніе. Мы ограничимся лишь немногими гипотезами послѣдняго времени.

А. А. Герценъ считаетъ установленнымъ слѣдующій „физическій законъ сознания“²⁾: „Сознаніе исключительно связано съ распаденіемъ нервныхъ элементовъ центральныхъ органовъ; его живость прямо пропорціональна этому распаденію и обратно-пропорціональна легкости, съ которою каждый изъ этихъ элементовъ передаетъ другимъ процессъ распаденія, имѣющій въ немъ мѣсто, и съ которою переходитъ къ фазису возстановленія“. По Ромэнсу³⁾, для болѣе простыхъ возбужденій выработались спеціальныя механизмы рефлекторныхъ движеній, приходящіе въ дѣйствіе безъ участія сознания; но для возбужденій, вызывающихъ къ дѣятельности мозговья полушарія, вслѣдствіе разнообразія нервныхъ, подобные механизмы не выработались для каждаго въ

¹⁾ См. выше стр. 260.

²⁾ См. „Kosmos“ 1884, I, 322.

³⁾ „Mental evolution in animals“, 74.

особенности; высшіе нервныя центры претерпѣвають каждый разъ соответственныя измѣненія (perturbations) и результатомъ послѣднихъ оказываются явленія сознанія. — Мы видѣли выше⁴⁾, что многіе изслѣдователи видятъ въ актахъ сознанія признакъ несовершенства рефлекторнаго процесса. — Мейнертъ признаетъ⁵⁾ „неизвѣстнымъ“ принципъ той „способности ощущенія“, которая для него составляетъ единственную „функциональную энергію“ мозговой кѣтки, и прибавляетъ, что дѣйствительное ощущеніе происходитъ только „подъ влияніемъ развитія столь-же неизвѣстныхъ вышнихъ силъ“. — Въ предыдущей главѣ была указана⁶⁾ гипотеза Шарля Ришэ относительно свойствъ нервныхъ и психическихъ кѣтокъ. Можетъ быть, какъ біологическую основу и происхожденія сознанія и послѣдующаго постепеннаго уясненія мысли естественнымъ путемъ, можно разсматривать допускаемое Ришэ свойство психическихъ кѣтокъ накапливать слѣды раздраженій, или полученныхъ, непрерывно измѣняясь подъ влияніемъ этихъ раздраженій. На извѣстной ступени, это нарастаніе раздраженій могло обратитъ психическій процессъ въ сознательный. Въ послѣдствіи, продолжаясь, могло содѣйствовать уясненію сознательнаго мышленія, переходя отъ безпредметныхъ ощущеній къ воспріятію отличимыхъ предметовъ вышняго міра, затѣмъ къ представленіямъ, отвлеченнымъ понятіямъ и конкретнымъ образамъ. Еще позже процессъ неопредѣленнаго нарастанія измѣненій, имѣющій мѣсто въ психической кѣткѣ, въ переводѣ на языкъ сознанія, могъ выработать сознательную потребность развитія и могъ сдѣлаться, такимъ образомъ, почвою для исторической жизни. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ нѣсколько явленій, начинающихся въ области чисто-біологической и входящихъ до психо-соціальныхъ процессовъ, не охватившихъ еще всего человѣчества, и эти явленія оказываются послѣдовательными членами одного и того-же ряда. Это, во первыхъ, раздражительность живой кѣтки вообще, специальная раздражительность нервной кѣтки, еще болѣе специальная раздражительность кѣтки психической; затѣмъ происхожденіе сознанія, сопровождающаго иногда дѣятельность послѣдней; еще далѣе уясненіе процессовъ сознанія; наконецъ, потребность развитія, вводящая мыслящаго человѣка въ историческую жизнь. При этомъ послѣдніе члены этого ряда, по

⁴⁾ См. стр. 311.

⁵⁾ Pг. Th. Meunert: „Психіатрія“ (1884), 152.

⁶⁾ См. выше стр. 190.

своей чрезвычайной сложности, представляют до сих пор непреодолимые трудности для объективного изучения, а потому могут быть наблюдаемы и изслѣдуемы большею частью лишь въ своихъ субъективныхъ формахъ. Какъ ни трудно и, можетъ быть, даже невозможно, построить мысленно процессъ объективныхъ измѣненій нервныхъ клѣтокъ, который соответствовалъ-бы постепенному усложненію и уясненію психическихъ процессовъ отъ элементарнаго ощущенія до высшихъ продуктовъ критической и творческой мысли, но, въ общихъ своихъ чертахъ, гипотеза Шарля Рише представляетъ весьма удобную параллель между наблюдаемымъ субъективнымъ развитіемъ болѣе сложныхъ психическихъ элементовъ изъ наиболѣе простыхъ и предполагаемыхъ объективными процессомъ въ нервныхъ клѣткахъ.

Распространеніе сознания. — Не особенно легче и рѣшеніе вопроса о первомъ появленіи сознания, точно такъ же какъ и о моментѣ перехода его отъ менѣ развитаго состоянія къ болѣе развитому. Наблюдая эволюцію мысли младенца, ребенка и юноши, мы видимъ непрерывный рядъ явленій, связывающій самые элементарные процессы съ наиболѣе сложными. Мы имѣемъ основаніе предполагать подобныя-же переходы и подобное-же разнообразіе и среди животныхъ. Но самое большое затрудненіе насъ встрѣчаетъ тамъ, гдѣ мы стремимся разглядѣть самыя простыя явленія сознания, такъ сказать его первое обнаруженіе. Самые тщательные изслѣдователи признаютъ, что подмѣтить переходъ здѣсь почти нельзя. Ромэнсъ считаетъ⁷⁾ „невозможною... всякую попытку провести черту, за которою сознание пробуждается“. Таково-же мнѣніе Бастіана⁸⁾, который при этомъ прибавляетъ: „Иныя впечатлѣнія, которыя въ насъ не вызываютъ уже сознательныхъ состояній, могутъ тѣмъ не менѣе быть сопровождаемы ими у головоногихъ и у насѣкомыхъ или даже у низшихъ позвоночныхъ“.

Но большинство біологовъ высказывается болѣе рѣшительно, то ограничивая область сознания, то чрезмерно распространяя ее. Первые обуславливаютъ большею частью сознание существованіемъ нервной системы⁹⁾, допуская постепен-

⁷⁾ „Animal Intelligence“, 71.

⁸⁾ „Le cerveau“ etc. I, 154.

⁹⁾ Въ медицинскомъ словарѣ позитивистовъ *Литрэ* и *Робена* (13-е изд. 1873), слово „Sensibilité“ прямо опредѣлено, какъ „un des modes de l'innervation“. Матеріалистъ *Letourneau* говоритъ въ „La Biologie“ (1876), 465: „Сознательная чувствительность есть свойство, присущее

ный переходъ отъ безсознательности къ сознанию или даже вовсе отвергая существованіе „моста“ между ними. Вторые¹⁰⁾ открываютъ уже у протистовъ актъ „руководящей волн“ и „коллективнаго сознания“, у клѣтокъ „привлеченіе“ и „отвращеніе“, наконецъ, переходя даже за предѣлы органическаго міра, у „частицъ химическихъ простыхъ тѣлъ“ ощущенія „удовольствія и страданія“, у атомовъ вообще „душу“, т. е. „желаніе и нежеланіе, похоть и отвращеніе“, признавая въ клѣткахъ „потенціальное присутствіе“ отравленій зрѣнія, обонянія, дыханія, перевариванія и т. дал. Но если первые упомянутые мыслители проводятъ рѣзкую черту тамъ, гдѣ ее провести невозможно, то метафоры послѣднихъ были уже разобраны и опровергнуты Льюисомъ, и съ нимъ можно повторить¹¹⁾: „Разсудительный газъ или ощущающая молекула могутъ быть продуктами метафизической дедукціи, но не могутъ найти себѣ выраженія на языкѣ опыта и индуктивнаго мышленія.... Если мы разсуждаемъ о душѣ молекулъ, то мы можемъ заговорить о молекулахъ какъ о „маленькихъ человѣчкахъ“, можемъ въ такомъ случаѣ приписать погоку нашу полемическую страстность и лѣтнему небу наше догматическое спокойствіе; мы одаримъ магнитъ волею и разглядимъ въ морфологическомъ измѣненіи усиліе созерцательнаго мышленія“.

Принимая въ соображеніе тѣ предостереженія, которыя при подобныхъ вопросахъ находили и находятъ нужнымъ представить осмотрительные изслѣдователи, можно, повидному, остановиться на слѣдующихъ общихъ выводахъ.

Сознаніе наиболее развитой человѣческой личности въ наше время есть продуктъ какъ эволюціи особи — эволюціи, связывающей непрерывными ступенями элементарную клѣтку зародыша со зрѣлымъ существомъ, способнымъ мыслить, чувствовать и желать — такъ и эволюціи органическаго міра

нѣкоторымъ нервнымъ клѣткамъ и фибрамъ“, признаетъ моментъ, когда „чувствительность возникаетъ внезапно (brusquement)“ и отвергаетъ возможность существованія „моста между безсознательностью и сознаниемъ“. Въ томъ-же смыслѣ, приблизительно, выражаются Carl Claus: „Grundzüge der Zoologie“ (4-е изд. 1880) I, 42 и Бэнъ въ „Body and Mind“ (цит. у Н. Ch. Bastian: „Le cerveau“ etc. I, 116).

¹⁰⁾ См. J. Luys: „Le cerveau et ses fonctions“ (1876), 65; Edm. Perrier, l. c, 64; Wilh. v. Reichenau: „Die monistische Philosophie“, (1881); J. L. de Lanessan: „Manuel d'histoire naturelle médicale“ (1879): Introd. XXXVII и слѣд.

¹¹⁾ G. H. Lewes: „Problemes of life and mind“ посмертный томъ, стр. 31 и слѣд.